

Ю.Г.Коргунюк

СЕКРЕТЫ**ПАРТИЙНОГО ПРОЦВЕТАНИЯ**

**When Parties Prosper: the Uses of Electoral Success /
Ed. by Lawson. K., Merkl P. — Boulder, L.:
Lynne Rienner Publishers, 2007. — VI, 432 p.**

В 1970-е годы большой популярностью пользовалась концепция кризиса партий; радикальные настроенные авторы даже предрекали скорую гибель этого политического института. И хотя, как обычно, самые смелые из прогнозов не оправдались, подтвердилась старая истина: дыма без огня не бывает. В последней трети XX столетия политические партии действительно перестали выполнять целый ряд своих функций, уступив их «альтернативным» организациям. Анализу причин подобного положения дел был посвящен сборник «Когда партии терпят неудачу: появление альтернативных организаций», вышедший в 1988 г. под редакцией Кэй Лоусон (Университет Сан-Франциско) и Петера Меркля (Калифорнийский университет, Санта-Барбара)¹.

¹ Lawson K.,
Merkl P. (eds.)
1988. *When Parties
Fail: Emerging
Alternative
Organizations.* —
Princeton.

Впоследствии, к началу XXI в., выяснилось, что говорить о конце партий — значит допускать сильное преувеличение. Партии не просто отстаивали свое право на существование, но доказали, что, как и прежде, являются главными игроками на политической сцене. Обстоятельства и причины «партийного успеха» стали темой нового сборника, составленного К.Лоусон и П.Мерклем, — «Когда партии процветают: что такое успех на выборах».

Переход от изучения партийных неудач к рассмотрению факторов, способствующих партийным победам, чем-то сродни переходу от докантовской гносеологии к кантианской. До Канта теория познания пыталась понять, откуда берутся заблуждения — ведь, казалось бы, истина очевидна и ее должны видеть все. Кант перевернул проблему с ног на голову (а точнее, с головы на ноги) и поставил вопрос противоположным образом: как в принципе возможно истинное суждение?

Исследование причин партийного успеха намного плодотворнее подсчета поражений уже потому, что сам по себе успех — явление гораздо более редкое. Кроме того, именно осмысление природы партийного успеха может сыграть ключевую роль в ответе на вопрос, что такое политическая партия и почему вообще произошло ее выдвижение на политическую авансцену.

Возможно, задачи, которые ставили перед собой составители сборника «Когда партии процветают», носят не столь всеобъемлющий характер. Тем не менее выяснение обстоятельств, благодаря которым

конкретные партии добились успеха, способно помочь в поиске ответа на «главный партийный вопрос».

В отличие от некоторых отечественных политологов, полагающих, что наиболее квалифицированно о партийной жизни других стран могут судить американские или, на худой конец, английские исследователи, К.Лоусон и П.Меркль сочли, что будет лучше, если о каждой стране будут писать «аборигены». С таким подходом трудно не согласиться. Понимание специфики жизни в какой-либо стране ее собственными гражданами и по степени информационной насыщенности, и по аутентичности на порядок превосходит то, что доступно стороннему наблюдателю. В любом случае им намного легче адекватно оценить деятельность политиков-соотечественников, в том числе в контексте «туземной» общественно-политической жизни.

Сборник разделен на четыре части. В первой анализируются успехи левых партий (Британии, Швеции, Франции, Германии, Польши, Литвы, Уругвая); во второй — правых (Германии, Японии, России, Мексики, Израиля, Чили); в третьей — тех и других в их взаимодействии (Италия, Франция, США); наконец, в четвертой части П.Меркль и К.Лоусон подводят итоги сравнительного изучения.

* * *

Статья *Дэвида МакКэя* (Университет Эссекса, Великобритания) посвящена вопросу о том, каким образом Лейбористской партии Великобритании удалось одолеть своих конкурентов консерваторов в борьбе за статус «естественной правящей партии», отстаивающей широкие общественные интересы, и имидж более компетентной в вопросах экономической политики (с. 9). По мнению автора, это стало возможным благодаря трем факторам: (1) организационной реформе, проведенной в партии после поражений 1979 и 1983 гг.; (2) переориентации на нового, «срединного» (median), избирателя и, как следствие, смещению партии вправо по идеологической шкале, а также сосредоточению внимания на таких электорально значимых темах, как снижение инфляции, стимулирование экономического роста, «закон и порядок»; (3) благоприятной экономической ситуации и внутренним проблемам в рядах консерваторов (с. 12), не сумевших выдвинуть привлекательную для избирателей идею и лишенных харизматичного и эффективного лидера (с. 23).

Томми Мёллер (Стокгольмский университет, Швеция) связывает успех Социал-демократической рабочей партии Швеции с ее способностью утвердиться в качестве «законной» выразительницы интересов среднего класса (с. 29). При этом он не отрицает сложности ситуации, в которой действовала СДРПШ: партии пришлось бороться за свой электорат на два фронта — с несоциалистическими партиями, с одной стороны, и слевой партией, с другой, а заодно с возрастающим недоверием общества к политикам в целом (с. 31–32). Согласно Т.Мёллеру,

социал-демократы предприняли все для того, чтобы увести у несоциалистов максимально возможную долю избирателей: провели радикальную налоговую реформу (в сотрудничестве с Либеральной партией), сократив, в частности, налоги на имущество; кардинально поменяли политику в сфере образования, дерегулировали валютный рынок; пересмотрели свои взгляды на членство страны в Европейском союзе и пр. В итоге, отмечает автор, СДРПШ зарекомендовала себя как политическая сила, достойная управлять государством, выигрывая в этом отношении у несоциалистических партий, чье правление пришлось на период наиболее тяжелых экономических проблем (с. 40).

Уильям Патерсон (Университет Бирмингема, Великобритания) и *Джеймс Слоум* (Лондонский университет, Великобритания) задались целью выделить общие факторы, способствовавшие успеху британских лейбористов, французских социалистов и германских социал-демократов. В число этих факторов авторы включили: преобразование организационных структур в соответствии с нуждами партийного руководства (институциональный контекст); выбор более эффективных электоральных стратегий (национальный контекст); модификация партийной политики с учетом процесса глобализации и углубления европейской интеграции (международный контекст) (с. 44). По мнению У.Патерсона и Дж.Слоума, особенно значительному пересмотру позиции рассматриваемых партий подверглись в том, что касается традиционных для социал-демократов сфер — государственных социальных программ, рынка труда и макроэкономики; все три партии признали необходимость модернизации социальной политики и ее переориентации на борьбу с безработицей и адресную помощь группам населения с самыми низкими доходами; повышения роли «социальных инвестиций», сглаживающих неравенство возможностей; ограничения государственного вмешательства теми сферами, в которых рынок показал свое бессилие; унификации законодательства в русле европейской интеграции. В результате, констатируют авторы, все три партии в той или иной степени отошли от традиционных социал-демократических представлений о способах решения упомянутых проблем (с. 44, 53).

Сходные изменения претерпела и организационная структура этих партий — все они эволюционировали в сторону описанной А.Панебьянко модели «электорально-профессиональной партии» с поправкой на более четко обозначившуюся лидерскую составляющую. Все три партии вынуждены считаться с постоянным увеличением доли «плавающего» электората, тяготеющего к центру политического спектра; все они освоили новейшие избирательные и медиа-технологии; все они столкнулись с необходимостью выступать в роли эффективных капиталистических менеджеров (с. 46—47). Растущая интеграция в рамках Евросоюза обусловила изменение их позиций по вопросам либерализации рынков (британские лейбористы), расширения социальных стандартов и координации экономической политики (французские социалисты и германские социал-демократы) (с. 50). В области бюджетной политики

позиции всех трех партий сместились в сторону ужесточения расходных ограничений и отказа от однозначно негативного отношения к перспективе приватизации государственных предприятий (с. 55).

Иероним Кубяк (Ягеллонский университет, Краков, Польша) ищет ответ на вопрос, почему польским левым удалось превратиться в централизованную, эффективную и достаточно гомогенную силу, в то время как в правой части политического спектра углублялась раздробленность. Его вывод: дело не столько в талантах лидеров, качественных характеристиках членского состава и эффективности проводимой политики, сколько в растущем разочаровании больших сегментов польского общества результатами рыночных реформ (с. 72). Вместе с тем И.Кубяк отмечает противоречивость положения, в котором оказались польские социал-демократы: в отличие от своих западноевропейских коллег, росших и крепнувших на волне антикапиталистического протеста, они были вынуждены выступать в роли «строителей капитализма», что и предопределило крутые повороты в их судьбе — за триумфальным приходом к власти в 2001 г. последовало поражение 2005 г. (с. 74). Дрейф Демократического левого альянса к центру политического спектра, указывает автор, сопровождался размыванием электорального «ядра» ДЛА и утратой доверия к нему со стороны тех слоев населения, которые чувствуют себя «пасынками» рыночных преобразований, — голоса данного электорального сегмента достались популистским образованиям вроде «Самообороны», коалиции «Закон и справедливость» и Польской семейной лиги (с. 79).

Альгис Крупявичус (Каунасский технологический университет, Литва) обоснования успеха литовских социал-демократов приводит в изобилии — настолько, что подобная избыточность кажется подозрительной. Здесь и разветвленная сеть крепких местных организаций, и популярный лидер, и сплоченная и дисциплинированная парламентская фракция, и успешное выполнение важнейших партийных функций (структурирование электорального выбора, мобилизация избирателей, артикуляция и агрегирование интересов, создание эффективных каналов коммуникации, рекрутирование и отбор кандидатов, формирование правительства и т.п.) (с. 115). Остается только удивляться, почему при таком всестороннем процветании «золотой век» социал-демократов уже позади, а сами они оттеснены на второй план новыми, главным образом популистскими, образованиями — в частности, Трудовой партией В.Успасских (с. 93).

Хорхе Ланзаро (Университет Монтевидео, Уругвай) объясняет успех уругвайского Широкого фронта несколькими факторами: партия смогла трансформироваться во «всеядную» (catch-all) и электорально-профессиональную, не утратив при этом прочных связей с профсоюзами и общественными движениями; она объединила в своих рядах все левые (и не только левые, если принять во внимание христианских демократов) организации страны; сдвинулась по идеологической шкале в сторону центра, перехватив у правящей коалиции «государственнические»

лозунги и превратившись в главного противника рыночной либерализации и приватизации (с. 119). Тем не менее Широкий фронт пока ни разу не побывал правящей партией — во многом потому, что партия Колорадо и Национальная партия, на протяжении полутора столетий являвшиеся главными участниками политического противостояния, вступили в коалицию (с. 118). Такой поворот событий, с точки зрения автора, отражает уникальность партийной системы Уругвая (с. 119).

* * *

Возможно, такова примета времени — в разделе, посвященном правым партиям, речь зачастую идет не столько о партийном процветании, сколько об элементарном выживании (Япония, Мексика) либо о видимости преуспеяния (Россия).

Франк Бёш (Гессенский университет, Германия) пытается понять, каким образом германские христианские демократы сохраняли свои позиции на протяжении всего послевоенного периода. По его мнению, ответ на этот вопрос следует искать не в изменении политической системы или социальной структуры общества, а в самой партии — ее организационном устройстве, тактике, умении грамотно построить избирательную кампанию и т.п. (с. 141—142). Ф.Бёш выделяет несколько обстоятельств, способствовавших успеху ХДС/ХСС: во-первых, благодаря децентрализованной структуре партии в ее рядах спокойно уживались как католики с протестантами, так и консерваторы, либералы и сторонники социально-христианских взглядов; во-вторых, христианским демократам удалось использовать в своих интересах процесс объединения Германии; в-третьих, партия регулярно обновляла организационную структуру, опираясь на политический авторитет своих представителей в общенациональных и региональных органах власти; наконец, в-четвертых, христианские демократы всегда шли в ногу с научно-техническим прогрессом в плане использования новейших избирательных и медиа-технологий и пр. (с. 158).

Харухиро Фукуи (Калифорнийский университет, Санта-Барбара, США) прямо признается, что говорить о процветании какой-либо японской партии, в том числе правящей Либерально-демократической, весьма затруднительно — в силу господствующего в обществе разочарования в партийных политиках и партийной политике в целом и, как следствие, глубокого недоверия к ним. О партиях, полагает автор, можно сказать, что они потерпели поражение, но выжили (с. 181). С такими выводами статья Х.Фукуи гораздо гармоничнее смотрелась бы в предыдущем сборнике под редакцией К.Лоусон и П.Меркля. Вместе с тем при более внимательном знакомстве с изложенными в ней фактами становится понятно, что дело не столько в партиях, сколько в избирателях, повысивших планку требований к тем, кто ими управляет. Недаром, согласно приведенным в статье данным, большинство японских избирателей принадлежит к так называемым независимым, то есть не

поддерживающим ни одну партию, — в январе 2003 г. доля таковых доходила до 50%, тогда как рейтинг наиболее популярной партии — Либерально-демократической — не превышал 30% (с. 181). Кроме того, на примере недолговременного премьерства Д. Коидзуми автор показывает, насколько взыскательнее стали японцы к своим политикам, — до тех пор пока этот лидер ассоциировался в их глазах с курсом на необходимые обществу реформы, он одерживал победу за победой, стоило же ему начать действовать вопреки предвыборным обещаниям, наказание не заставило себя ждать (с. 175—181).

Анализируя причины электорального успеха российской «партии власти», **Анатолій Кулик** (ИНИОН РАН, Россия) отмечает, что если под сильными и преуспевающими партиями понимать лишь те, которые оказывают влияние на формирование государственного курса, то придется признать, что в России таковых нет — «Единая Россия» и КПРФ здесь не исключение (с. 201). По мнению автора, правильнее говорить скорее об успехах Кремля в создании партийной системы, все участники которой — и «партия власти», и «системная оппозиция» — «приватизированы» правящим режимом и превращены в придаток последнего (с. 204). Что касается «Единой России», то ее, справедливо указывает А. Кулик, нельзя считать настоящей «партией власти» (хотя, на наш взгляд, в данном случае более уместен термин «правящая партия»), поскольку она не реализует никакой собственной политики и не имеет возможности контролировать деятельность тех, кто управляет страной (с. 204).

Статья **Марка Мартинеза** (Калифорнийский университет, Санта-Барбара, США), как иopus Х. Фукуи, идеально вписалась бы в сборник «Когда партии терпят неудачу», поскольку в ней рассказывается о том, как монополично правившая в Мексике 70 лет подряд Институционально-революционная партия в последние годы своего правления собственными руками ковала свое поражение как на федеральном, так и на региональном уровне — проводила не ту политику, выдвигала не тех людей и т.п. Чтобы оправдать помещение своей статьи в рецензируемый сборник, автор интерпретировал деятельность ИРП как своего рода помощь политическому оппоненту — Партии национального действия (данная интерпретация отражена в том числе и в названии статьи — «Помогая процветанию оппозиции»). К сожалению, самой ПНД М. Мартинез не уделил почти ни строчки. Нельзя, впрочем, не согласиться с автором в том, что поражение конкретной партии нередко может рассматриваться как вклад в благополучие партийной системы в целом (с. 228).

Бывают, конечно, и случаи, когда успех правых партий не подлежит никакому сомнению. Пример тому — израильская партия «Шас», отстаивающая интересы евреев-сефардов (выходцев из Азии и Африки), история которой стала предметом изучения **Яэль Исани** (Университет Хайфы). Эта партия, по словам автора, не просто выдержала испытание временем, но выдержала его блестяще — на протяжении двух

десятилетий она неуклонно наращивала электоральную базу и к тому же была единственной партией, входившей в состав всех без исключения правительственных коалиций (с. 236). Успеху партии «Шас», отмечает Я.Исаи, способствовал целый комплекс факторов: избирательная система Израиля — пропорциональная, с низким барьером вхождения; «адресный» электорат — религиозные евреи из арабоязычных стран; харизматические лидеры; способность участвовать как в правых, так и в левых правительствах (избиратели партии, с одной стороны, религиозны и консервативны, а с другой — являются главными бенефициарами государственных программ в сфере образования и здравоохранения) (с. 238); умелое использование современных средств массовой информации (в первую очередь радио и телевидения) (с. 241) и социальных сетей (прежде всего «дочерних» ассоциаций) (с. 243). При этом автор не скрывает, что некоторые источники преуспевания «Шас» трудно признать демократическими: в частности, она открыто ставит интересы сефардского меньшинства выше соображений законности и не видит ничего предосудительного в различного рода коррупционных практиках при перераспределении государственных средств, если таковые тратятся в интересах евреев-сефардов; кроме того, «Шас» отнюдь не демократична в своем внутреннем устройстве, а ее члены — скорее пассивные потребители услуг социального государства, нежели люди с активной гражданской позицией (с. 245).

Альфредо Жуаньян (Университет Сантьяго-де-Чили) и *Патрицио Навиа* (Университет Нью-Йорка, США; Университет Диего Порталес, Чили) также не испытывают восторга по поводу укрепления влияния исследуемой ими партии — чилийского Независимого демократического союза. Они считают НДС идейным наследником пиночетовской диктатуры (с. 249), описывая его как консервативную партию авангардного типа (в ленинском понимании), сплоченную, правда, не глобальным утопическим проектом, а единством ценностей, сходством биографий и управленческих навыков лидеров и актива (с. 271). К сожалению, складывается впечатление, что, говоря об успехе Независимого демократического союза, авторы чересчур увлеклись перечислением его внешних проявлений — на выборах 2005 г. НДС получил больше голосов и мест в Конгрессе, чем любая другая партия (с. 253); он стал ведущей правой партией страны, оттянув избирателей у центристской Христианско-демократической партии (с. 255); НДС обладает однородным «ядерным» электоратом, объединенным католическими ценностями, и располагает квалифицированными кадрами, получившими управленческий опыт еще во времена диктатуры (с. 260), — в ущерб исследованию причин этого успеха.

* * *

Третья часть сборника открывается статьей *Джанфранко Паскино* (Болонский университет, Италия), посвященной сравнительному

анализу двух ведущих партий современной Италии — правой «Вперед, Италия!» и Партии демократических левых сил (с 1998 г. — «Левые демократы»). Сравнение оказывается явно не в пользу левых. По словам автора, если «Вперед, Италия!» представила яркий образец партийного процветания, то ПДЛС (ЛД) дала не менее яркий пример обратного свойства (с. 276). Согласно его заключению, итальянские правые выигрывают на фоне левых благодаря умению учитывать запросы избирателей и создавать коалиции (с. 279); наличию сильного и авторитетного лидера (с. 281); успехам в области организационного строительства (вопреки сложившемуся мнению, утверждает Дж.Паскино, левые заметно ослабели и фракционировались по сравнению со временами Итальянской компартии, утратили связи с общественными, культурными и профессиональными ассоциациями, сохранив более или менее прочные позиции лишь в некоторых регионах (с. 282—283), тогда как С.Берлускони сумел в короткие сроки превратить Forza Italia из «виртуальной партии» в хорошо организованную структуру, охватывающую всю территорию страны и опирающуюся на сотни тысяч приверженцев и несколько тысяч представителей в органах власти); соответствию предвыборных обещаний реальным делам в момент нахождения у власти (с. 291—292) и пр. (Впрочем, Дж.Паскино признает ограниченность достижений сторонников С.Берлускони, указывая, что они не снискали лавров на ниве государственного управления и их положение в любом случае не идет ни в какое сравнение с положением итальянских партий до 1993 г.) Как и авторы предыдущей статьи, Дж.Паскино уделяет основное внимание внешним проявлениям успеха правых и неуспеха левых, ссылаясь при этом на отсутствие проработанной теоретической базы, необходимой для осмысления фундаментальных изменений, произошедших в партийной системе Италии после 1993 г. (с. 292).

Флоранс Эжел (Центр политических исследований, Париж, Франция) и *Марк Лазар* (Высшая школа политических наук, Париж, Франция) отмечают слабость французских партий в плане легитимности, институционализированности и укорененности в обществе (за исключением Французской компартии периода расцвета), характеризуя партийную систему страны как «биполярный мультипартизм с двумя ведущими партиями» (с. 295—296), но вместе с тем предлагают оценивать успешность тех или иных партий в зависимости от того, являются ли они просистемными, то есть участвующими в какой-либо правящей коалиции, или антисистемными, исключенными из процесса формирования кабинета (с. 299). Степень преуспевания «правительственных» партий, по мнению авторов, определяется их способностью доминировать в собственном лагере и становиться центром коалиции (с. 300); с этой точки зрения к числу процветающих можно отнести Социалистическую партию на левом фланге и Объединение в поддержку республики (Союз за народное движение) — на правом (с. 300—303). Что касается антисистемных партий, то критерием их успешности выступает способность наращивать электоральную поддержку, расширять

социальную и территориальную базу, навязывать свое видение злобы дня другим участникам избирательных баталий (с. 306) и наносить ущерб политическим оппонентам (с. 309); соответственно, основными игроками в данной части партийного поля являются Национальный фронт на правом фланге и троцкистские организации «Рабочая борьба» и Коммунистическая революционная лига — на левом (с. 306). Впрочем, успешность и просистемных, и антисистемных партий во Франции Ф.Эжель и М.Лазар оценивают весьма скромно — по сравнению как с другими европейскими странами, так и с их собственным прошлым (с. 310—311).

Робин Колодни (Университет Филадельфии, США) задался целью объяснить, почему Республиканская и Демократическая партия стали единственными успешными партиями США (с. 313). Ответ его столь же категоричен, сколько, судя по всему, и обоснован: именно эти партии, утверждает автор, устанавливают правила политической игры, используя свою власть для сохранения институциональной структуры, гарантирующей им доминирующее положение (с. 327). По мнению Р.Колодни, именно республиканцы и демократы в наибольшей мере отвечают модели «картельных партий», описанной Р.Кацем и П.Мэйром (с. 317). Контролируя Федеральную избирательную комиссию, Республиканская и Демократическая партии сохраняют запретительные барьеры для «третьих» партий, касающиеся регистрации кандидатов (кандидату легче зарегистрироваться как независимому, нежели как выдвиженцу «малой» партии), порядка проведения праймериз (особенно закрытых, то есть предполагающих участие только сторонников соответствующей «большой» партии) и финансирования избирательных кампаний (сложившаяся система поощряет «большие» партии и дискриминирует «малые») (с. 321—322). В качестве факторов, способствующих гегемонии двух этих партий, но не имеющих прямого отношения к их «картельному сговору», Р.Колодни упоминает разве что преимущественное внимание прессы к деятельности кандидатов от республиканцев и демократов и невнимание ко всем прочим (с. 323—324). В целом же, приходит он к неутешительному выводу, обе партии преуспевают прежде всего из-за неверия американцев в то, что партии способны на что-то, кроме борьбы за власть, — например, на изменение политического курса в лучшую для страны сторону (с. 327).

* * *

Подводя итог сказанному в предыдущих разделах, а также опираясь на широкий круг иной литературы, **Петер Меркль** подробно анализирует все возможные виды партийного процветания: единолично правящие партии; партии, входящие в состав правящей коалиции; партии, сумевшие пройти путь от антисистемных до правящих; партии, добившиеся успеха после крушения автократических режимов и атомизации политического пространства; партии, вновь взошедшие на

политический олимп после краха предыдущей партийной системы. Предваряя заключительную статью К.Лоусон, П.Меркль соглашается, что партии и демократия сочетаются далеко не всегда; при этом он приводит в пример Национал-социалистическую и Коммунистическую партии Германии 1930-х годов (с. 349).

Сама *Кей Лоусон* в своей заключительной статье выказывает сугубый пессимизм. С ее точки зрения, преуспевание партий в современном мире теснейшим образом связано с их трансформацией из инструмента демократизации в инструмент дедемократизации. Эта трансформация, по мнению К.Лоусон, выражается в усилении позиций лидеров за счет рядовых членов и сторонников; в проведении руководством центристской политики вопреки положениям партийных программ и убеждениям членской массы; в использовании партиями правящего статуса в целях создания институциональных условий для консервации собственного доминирования и извлечения прямой материальной выгоды. Все это, отмечает К.Лоусон, способствует электоральному успеху партий, но ограничивает возможности граждан контролировать политических лидеров, создавать новые партии и следить за правильным расходованием государственных средств (в интересах общества, а не отдельных политиков) (с. 353).

В числе обстоятельств, обусловивших подобную трансформацию, К.Лоусон называет развал СССР, повлекший за собой устранение с политической сцены главного оппонента либеральной демократии — социализма (коммунизма); распространение новой формы демократической идеологии, основанной на неолиберальной модели социально-экономической политики и ориентированной не на защиту прав человека и народного суверенитета, а на быстрое обогащение; развитие средств массовой коммуникации, приведшее к созданию изоциренных технологий манипулирования товарными и информационными потоками (с. 354). Признавая, что отмеченные ею негативные явления имели место и раньше, автор вместе с тем подчеркивает, что появившиеся в последнее время возможности усиливают их отрицательный эффект, позволяя им проявляться более легко и свободно. К.Лоусон выражает сожаление, что единственной формой сопротивления превращению партий в инструменты дедемократизации пока остается падение общественного доверия к партиям; на ее взгляд, предпочтительнее иные средства — например, эффективная работа свободной прессы и активная гражданская позиция избирателей (с. 366).

Тревога К.Лоусон представляется вполне обоснованной, но слегка чрезмерной — в ее основе лежит несколько идеализированное представление о партиях былой поры (хотя автор говорит о нежелании противопоставлять «хорошие старые времена» «плохим новым» (с. 355)). Партии как инструмент дедемократизации — отнюдь не новость в мире политики, и кому об этом не знать, как жителям бывшего СССР, на собственном опыте убедившимся, что в своих неразвитых, «варварских» формах данный инструмент обладает еще более разрушительной силой.

* * *

Несмотря на то что сборник объединен общей темой, было бы неверно утверждать, что все авторы пишут об одном и том же. Преуспевание партий и в самом деле слишком обширная, неоднозначная и многослойная тема: исследователь может остаться в верхних слоях, а может попытаться копнуть глубже. Разные авторы поступали по-разному: одни ставили задачу определить, что можно считать успехом для одной партии, а что — для другой; некоторые фиксировали внешние проявления партийного преуспевания; кто-то пытался объяснить этот успех действиями самих политических игроков, кто-то — связать его с состоянием общества в целом и т.д. Причем нетрудно обнаружить прямую корреляцию между «возрастом» изучаемой партии и глубиной погружения автора в исследование причин ее успеха. Это и понятно: если партии добрая сотня лет, ограничиваться перечислением внешних проявлений ее успеха не очень продуктивно.

В целом же появление сборника «Когда партии процветают» — несомненный показатель преуспевания самой партологии и еще один шаг на пути к пониманию природы политической партии и ответу на вопрос: как в принципе возможно существование партий?